УДК 316

ОБ ОТНОШЕНИЯХ СОЦИОЛОГИИ И ВЛАСТИ: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Зборовский Гарольд Ефимович,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
профессор кафедры социологии
и социальных технологий управления,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Аннотация
В статье анализируются проблемы взаимоотношений между социологией и властью, характеризуются типы взаимодействий между ними, показываются их перспективы в различных обществах. Делается вывод о том, что оптимальным это отношение может быть только в гражданском обществе.

Ключевые понятия:
социология,
власть,
типы отношений,
гражданское общество.

Проблема отношений между социологией и властью всегда была одной из главных для социологической науки и практики. Начиная со времен О. Конта, социология испытывала на себе зависимость от властных структур, а ее стремление к самостоятельности с самых первых шагов существования означало не только «отпочкование» от «материнской» философии, но и попытку собственного, относительно автономного от власти развития. Именно поэтому практически все крупные представители социологической мысли на протяжении всей истории её существования, так или иначе, касались поставленной проблемы, причём у большинства из них не наблюдалось конформизма в отношениях с властью. Иначе социология была бы не в состоянии выполнить одну из своих основных функций – критическую.

В данной статье целью авторского исследования является анализ отношения социологии и власти в его российском контексте, причём речь пойдёт не только о характеристике самого этого отношения, но и об извлечении уроков из него – как на историко-социологическом, так и современном материале. Смысл и задача анализа состоит в том, чтобы показать стремление социологии быть «антивластной» по своей направленности только там и тогда, где и когда сама власть противоречит гражданскому обществу, мешает его становлению, не признаёт его сегментацию и структуру, а также право на самостоятельное существование. Методологическим основанием анализа является тезис о том, что социология идентифицирует себя с одним из элементов гражданского общества, оставаясь в то же время институциональным феноменом.

Охарактеризуем отношения между социологией и властью в России/Советском Союзе/России сквозь призму нескольких уроков, которые должны быть извлечены из этих отношений для их адекватного понимания и стремления не воспроизводить в будущем ошибок и просчётов ни для социологии, ни для власти.

Урок 1. Следует учитывать, что проблема отношений между социологией и властью всегда была и будет одной из центральных в российском/советском/российском обществе, учитывая специфику власти в нём, её постоянно недемократический характер и слабые перспективы глубоких трансформаций в этой сфере социальной жизни. Свидетельством тому является вся история развития отечественной социологии начиная со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней.

На разных этапах этой истории рассматриваемые отношения не отличались большим разнообразием, причём преобладали в них чёрные и серые тона. Характеризуя первый, дореволюционный этап (1861–1917 гг.), отметим, что в то время в России существовала дискриминация социологии как науки со стороны царского самодержавия, проявившаяся в стремлении последнего воспрепятствовать её развитию. Царское правительство рассматривало социологию как угрозу правящему режиму, поэтому вполне понятно, что уровень её институционализации был крайне низким [4, с. 238–239].

Говоря о втором этапе отечественной социологии, охватившем большую часть XX в. (1917–1991 гг.), следует отметить, что в его границах отношения с властью колебались – от борьбы социологии за своё существование и выживание (до 1930-х гг.) до полного запрета в условиях сталинской диктатуры (1930-е – середина 1950-х гг.) и затем – в период второго рождения (конец 1950-х – конец 1980-х гг.) – до стремления к самоутверждению под жёстким контролем партийной власти и партийной цензуры как её неотъемлемой части. Представляют интерес суждения Б.М. Фирсова о конфронтации двух типов развития социологии в нашей стране в послевоенный период (вплоть до 1980 г.) – естественного и подконтрольного (несвободного, разрешительного, регламентированного сверху). По его мнению, у нас господствовала неестественная форма управления социологией, знаменовавшая собой полную зависимость учёных и администраторов науки от институтов власти, прежде всего партийной и государственной [5, с. 432].

В этой связи привлекает интерес статья Б.А. Грушина «Учёный совет при Чингисхане», главная тема которой – соотношение социологической науки и власти (управления). Нормальным Грушин считал такое положение вещей, при котором «наука занимается наукой, управление – управлением, а связи между ними реализуются либо в разнообразных формах использования управлением научных данных... либо – что гораздо эффективнее – путём прямого и гарантированного включения науки в процессы управления, в том числе в механизмы принятия ответственных решений...». В СССР же «...на определённом этапе его истории произошла серьёзнейшая деформация, когда органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать всё, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле – в обход неё и даже без неё, вместо неё, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения...» [1, с. 297]. Как следствие, наука стала вызывать у представителей органов власти сплошные подозрения и нарекания, её отстранили от активного участия в жизни общества. Социология оказалась «...вроде учёного совета при Чингисхане. Будешь стоять на своём, говорить правду – не снесёшь головы, будешь угодничать, лгать – останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...» [1, с. 302].

Только в рамках современного этапа развития отечественной социологии – с 1991 г. до наших дней – в условиях происходившей институционализации и существования её в качестве независимой, автономной, самодостаточной науки удалось добиться свободы (за счёт ликвидации жёсткого контроля и цензуры) и возможности работать в рамках понимания своих собственных научно-практических проблем. Решение этой задачи произошло в 1990-е гг. Конечно, главную роль в данном процессе сыграли запрет КПСС в 1991 г., отмена цензуры и широкая демократизация политической жизни в стране.

Однако в последние десять лет социология вновь стала ощущать усиливающееся давление, иногда прямое, чаще косвенное. Сегодня имеются достаточные основания говорить об ужесточении идеологического режима в стране. В рамках этого процесса следует рассматривать постоянные призывы к усилению консервативных традиций в России, в целом консерватизма как идеологического направления, равно как и стремление иерархов церкви к усилению православного фундаментализма. Всё больше представителей СМИ, научной и художественно-творческой интеллигенции начинают говорить о возвращении цензуры.

Это не может не сказываться и на процессах, происходящих в социологической науке. Именно в таком ключе следует расценивать появившуюся в ней линию на сотрудничество с православной церковью и объявление идеологическими устоями современной социологии православия, самодержавия и народности [2].

Урок 2. Как следствие из сказанного, нужно учитывать, что на протяжении всей истории развития отечественной социологии она испытывала и продолжает испытывать давление власти. При этом последняя до поры до времени может занимать позицию своеобразного стороннего наблюдателя в отношении социологии. Но как только её представи-

тели касаются проблем, прямо или косвенно затрагивающих интересы власти, наступают на её «мозоли», а также поднимают наиболее острые и болезненные вопросы социальной, экономической и политической жизни общества, так сразу же начинают ощущать жёсткое противодействие своей деятельности со стороны самых разных властных структур.

Урок 3. Отсюда следует, и этот урок обязательно должен быть учтён, что осознание зависимости социологии от власти в России заставляет конкретных представителей этой науки зачастую делать выбор в предпочтениях профессиональных интересов и проблемного поля для исследований не столько с точки зрения глубоких внутренних потребностей их авторов, сколько в плане выявления степени их свободы и независимости от властных структур в процессе осуществления научных поисков. Благо, что возможности для такого выбора имеются, поскольку социологическая наука предлагает большой диапазон востребованных (не связанных с властью и политикой) проблем, включая целые лакуны в её истории, логике и методологии социологического знания, методике и технологиях исследования, обработки полученного эмпирического материала и т. д.

Выбор, перед которым стоят социологи, касается не только стремления какой-то их части уйти от прямых и непосредственных отношений и взаимодействий с властью при осуществлении собственных исследований, но наоборот, включённости их авторов в эти отношения и взаимодействия в случае изучения проблем, привлекающих внимание властных структур, а зачастую и финансирование научных работ с их стороны.

Этот второй выбор оказывается ещё более сложным, чем первый, поскольку означает, с одной стороны, наличие двух крайних позиций, с другой – ряда промежуточных вариантов. Крайние позиции – это либо готовность полностью «лечь» под власть, выполняя роли и функции «продажной девки» и полностью соглашаясь на условия ангажированного «социального заказа», либо сохранение научного и независимого лица и готовность осуществить лишь объективный анализ поставленной в исследовании проблемы. Отметим сразу, что когда власть принимает вторую позицию, честь ей и хвала. Что касается промежуточных позиций, то они представляют собой разную степень компромисса между властными и социологическими структурами (либо отдельными социологами).

Урок 4. Из приведённых суждений вытекает, что отношения между социологией и властью в России могут быть охарактеризованы на основе выявленных их типов. Следует различать две типологии отношений – между социологией и властью и социологами и властью. Вторая типология носит более дробный характер, чем первая, и конкретизирует её.

Рассмотрим типы таких отношений между социологией и властью с учётом описанной ситуации.

Первый тип. Власть в стране характеризуется господством демократических институтов, и социология в этом случае развивается в свободном и независимом от неё режиме. Научная, преподавательская, практическая деятельность в сфере социологии может быть вообще вне связи с политическим режимом и реагировать лишь на те действия власти и её институтов, которые противоречат существующим нормам, ценностям, традициям и затрагивают интересы конкретных групп людей.

Второй тип. Власть в стране не имеет выраженного демократического вектора и определяется давлением авторитарного (или тоталитарного) режима. В этом случае социология и её представители оказываются перед выбором: идти на сотрудничество с властью, поддерживать её на разных уровнях, выполнять заказы (в том числе ангажированные, требующие в ряде случаев поступаться научной совестью), оказывать содействие режиму через систему преподавания, либо стремиться к проведению объективных и независимых исследований, подвергать критическому анализу деятельность властей, способствовать созданию и поддержке структур гражданского общества, включаться в их деятельность.

Названные два типа, как это видно, противостоят друг другу по основным позициям и их вектору в отношениях с властью. Но, помимо двух крайних типов, есть и промежуточные, точнее говоря, их конкретизирующие. Первый из них – стремление дистанцироваться от власти, работать в таких проблемах, которые находятся весьма далеко от непосредственных интересов властных структур. Это может быть достаточно абстрактный уровень теоретизирования, имеющий мало общего с реальными социальными проблемами. Скажем, речь идёт о социологии науки или социологии знания и исследовании природы и особенностей того или иного вида (типа) знания. Это тот уровень, который можно определить как эпистемологический и который, чаще всего, не имеет прямого выхода к реальной проблематике повседневной, тем более социально-экономической и общественно-политической жизни.

В рамках намечающегося приближения к этой ситуации и, соответственно, власти, её создающей, имеет смысл говорить о ещё одном – втором типе социологической деятельности, который принято называть моделью (эпистемологией) абсолютного наблюдателя [3, с. 15]. Суть её в том, чтобы лишь наблюдать, фиксировать, отражать совокупность социальных фактов. Позиция социолога в этом случае не влияет на объект, она нейтральна и свободна от ценностей. Теория противопоставлена практике, поскольку они представляют различные сферы деятельности. В данном случае социолог даже не интерпретирует ситуацию, а просто её наблюдает и описывает. Конечно, и в этом случае социология не свободна полностью от воздействия власти, поскольку в самом факте наблюдения и описания также можно обнаружить определённое отношение к ней. Но всё же социологическое знание и направленность социологического мышления отделены от социальной реальности (включая социально-политическую ситуацию), противопоставлены в чём-то ей и лишь представляют (репрезентируют) её.

Третий тип социологической деятельности относительно имеющейся власти состоит в значительно меньшем (чем во втором) дистанцировании от неё. Он связан с интерпретацией наблюдаемых социальных фактов, которые рассматриваются в оптике социологии, её представлений и суждений, а также понятий и теорий, ею используемых. Эта интерпретация выводит социологию на возможность почти прямого взаимодействия с властью, но лишь в том случае, если последняя сама обратит внимание на исследовательскую позицию и проявит к ней интерес. Последний может иметь три вектора – позитивный, негативный и нейтральный. Это значит, что социологическая интерпретация воспринимается властью либо как соответствующая её интересам, либо как противоречащая им, либо как не имеющая практического значения для принимаемых властных решений.

Четвёртый тип социологической деятельности характеризуется как создание перформативной модели (перформативной эпистемологии). Происходит отказ от разделения субъекта и объекта познания. Социология активно включается в сеть отношений с властными структурами. «И здесь речь должна идти уже не просто о публичной социологии, которая репрезентирует свои репрезентации обществу, а о перформативной социологии, которая встроена в общество и активно участвует в его исполнении» [3, с. 20].

Весь вопрос в том, в какое общество, в какой властный режим должна быть встроена социология и в каком – должна активно участвовать в его деятельности. Конкретизируя этот вопрос, сформулируем ещё один: должна ли она встраиваться в авторитарный (тоталитарный) режим власти, и если да/нет, что это означает на практике? Ответ на этот вопрос можно дать лишь в процессе анализа перспектив отечественной социологии и её деятельности относительно властного режима.

Общение (взаимодействие) социологии (её конкретных представителей) с публикой (обществом) в той или иной форме требует определённой смелости и гражданского мужества, особенно когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. По нашему мнению, это – одна из разновидностей так называемой публичной социологии, сам термин и развёрнутая трактовка которого принадлежит американскому социологу М. Буравому [6, с. 4–28]. Гражданская и научная позиция (их не следует разделять в данном случае, поскольку они тесно взаимосвязаны и представляют собой некое единство) нужна и в противостоянии так называемой ангажированной социологии, представители которой (в угоду заказчикам соответствующих исследований, в том числе и власть имущим) готовы пойти на фальсификацию и искажение объективных данных.

В связи с этим возникает важная проблема взаимоотношений социологии, власти и бизнеса, точнее говоря, тех аспектов их взаимоотношений, которые благодаря социологии приобретают (или могут приобрести) публичный характер. И здесь появляется такое место их встречи, о котором нужно сказать особо, – регион.

Для социологии в регионах, где её представители достаточно известны и находятся под «аудио» и «видеонаблюдением», такая публичность иногда может дорого стоить. Конечно, отношения между социологией и властью в регионе (на местах) время от времени могут быть достаточно нейтральными и строиться по принципу «не трогать друг друга». Но не нужно забывать и о том, что в ряде случаев существует, помимо политического и идеологического интереса, финансовая сторона названных отношений, поскольку власть может оказаться заказчиком (и плательщиком) исследований.

Целесообразно выделить условия, определяющие возможность публичной социологии в регионе. В качестве таковых назовём: 1) стремление социологов быть активными и его реальные проявления в деле внедрения публичной социологии; 2) понимание ими тех

сложностей, которые могут возникнуть на этом пути и затронуть их лично; 3) позиция власти – региональной и муниципальной, её отношение к социологии, готовность /неготовность сотрудничать с её представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и деятельности самой власти); 4) позиция СМИ, их отношение к социологии, готовность /неготовность сотрудничать с её представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и самих СМИ); 5) отношение различных социальных групп к власти, её деятельности, к СМИ, к социологическим исследованиям, наличие выраженного общественного мнения, уровень и характер его изучения в регионе; 6) уровень активности населения, в том числе протестной.

Урок 5. Из сказанного следует необходимость определить, что российскую социологию в её отношении к власти устраивает, а что – нет (с учётом характера самой власти). Устраивает, прежде всего, признание самой социологии, её права на институционализацию. Устраивает стремление властных структур к нормальному, цивилизованному, без давления, без ангажирования отдельных социологических структур и социологов, взаимодействию с социологией. Устраивает стремление власти прибегать к выявлению экспертного мнения социологов (и в целом к изучению общественного мнения) по основным проблемам жизни общества. Устраивают заказы власти и органов управления на исследование наиболее актуальных проблем. Устраивают действия власти, направленные на реализацию рекомендаций социологов и предложенных ими социальных проектов и технологий управления. Устраивает приглашение социологов со стороны власти к диалогу. Устраивает уважительное отношение к социологам. Устраивают позитивные, подкреплённые конкретными шагами, действия властей, направленные на развитие социологического образования.

Что не устраивает социологию в ее отношении к власти? Строго говоря, всё то, что было сказано выше, только с обратным знаком. Это равнодушное, незаинтересованное (а иногда и недружественное) отношение власти к социологии, оказание на неё давления с целью получения необходимого результата в исследовании. Не устраивает отсутствие заказов и финансирования исследований, нежелание использовать социологов для экспертизы при принятии практически всех значимых решений, имеющих социально-экономическую и социально-политическую направленность. Не устраивает снижение интереса к социологическому образованию, проявляющееся в сокращении бюджетных мест на бакалавриат, в магистратуру и аспирантуру.

Теперь поставим вопрос «с другой стороны» и попробуем предположить, что устраивает и не устраивает власть в отношениях с социологией, имея в виду все её уровни – федеральный, региональный, муниципальный.

В отличие от социологов, которые порой достаточно откровенно и зачастую нелицеприятно характеризуют своё отношение к власти и с властью, последняя не стремится открыто демонстрировать и громко провозглашать свои взгляды на социологию и её представителей. Она это делает скорее не словами, а делами, либо приглашая к сотрудничеству, либо – что чаще – стараясь не обращать внимания на результаты работы социологов. Но, поскольку не всегда есть возможность «замолчать» эти результаты и они, так или иначе, часто довольно болезненно затрагивают власть, ей приходится реагировать на «выпады» социологов своими «контрвыпадами», часто сводящимися к стремлению каким-то образом дезавуировать выступления (публикации) социологов. В отдельных случаях давление приобретает довольно грубые формы, как это имело место в 2013 г. в отношении Левады-центра, от которого потребовали признать себя «иностранным агентом» в соответствии с печально известным законом о некоммерческих организациях.

В порядке вывода, с учётом высказанных выше соображений следует отметить, что существует реальное противоречие между стремлением социологии к максимальной независимости, неангажированности и объективности собственного знания и теми социальными, экономическими и политическими условиями, в которых её представителям приходится проводить исследования и доводить их результаты до широких слоёв населения, т.е. превращаться в публичную социологию.

В странах с отсутствующим гражданским обществом, в которых имеют место авторитарные и тоталитарные режимы, социологическое знание не может развиваться аутентично, что показал опыт и царской России, и Советского Союза. В известной степени это касается и современной России. Там, где господствует вертикаль власти, где отсутствуют реальные институты гражданского общества, социологическое знание не пользуется достаточной поддержкой и полным институциональным признанием. Чтобы всё это пришло, необходимо появление реального гражданского общества. В противном случае социология будет лишь частью

государственного истеблишмента, каковой, собственно, и наличествует сегодня в России. По существу, её независимость как науки – на грани дозволенного властью статуса.

Что же должна исследовать социология, живая по своей природе наука, если общество, которое по определению является её объектом, в стране реально отсутствует, будучи заменено государством? Ведь общество – это не пассивный и молчаливый объект управления и манипулирования властью, а многообразные формы связей, объединений, ассоциаций людей, совокупность (взаимосвязь) независимых от государства социальных общностей (в том числе некоммерческих организаций, различных партий, движений и т.д.), то есть того, что принято называть гражданским обществом, не включающим отношения господства и подчинения, «вертикаль» власти. Краткий ответ на поставленный вопрос: социология должна создавать знание о реальных путях формирования гражданского общества, а в его рамках правового государства, которое будет обеспечивать, реализовывать интересы членов этого общества.

1. Грушин, Б.А. Учёный совет при Чингисхане [Текст] // Открывая Грушина. Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 440.

2. Добреньков, В.И. Ценностные ориентиры современной социологии [Текст] // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 108–115.

3. Дудина, В.И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии [Текст] // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 13–21.

4. Зборовский, Г.Е. История социологии [Текст] / Г.Е. Зборовский М.: Гардарики, 2007. 608 с.

5. Фирсов, Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. [Текст] / Б.М. Фирсов СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 476 с.

6. Burawoy, M. For Public Sociology [Текст] // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. № 1. P. 4–28.

References

1. Grushin B.A. Uchjonyj sovet pri Chingishane [Academic Council under Genghis Khan]. *Otkryvaja Grushina (Grushin's Reveal).* Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2010, pp. 440 (in Russian).

2. Dobren'kov V.I. S*ociologicheskie issledovaniya,* 2009, no. 8, pp. 108–115 (in Russian).

3. Dudina V.I. *Sociologicheskie issledovaniya,* 2013, no. 10, pp. 13–21 (in Russian).

4. Zborovskij G.E. *Istorija sociologii* [History of sociology]. Moscow, Gardariki, 2007, 608 p. (in Russian).

5. Firsov B.M. *Istorija sovetskoj sociologii:* 1950–1980-e gody [History of soviet sociology: 1950–1980 years]. St.Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012, 476 p. (in Russian).

6. Burawoy M. *American Sociological Review,* 2005, vol. 70, no. 1, pp. 4–28 (in English).

UDC 316

ABOUT THE RELATIONSHIP OF SOCIOLOGY AND POWER: SOME LESSONS OF THE PAST AND PRESENT

Zborovskiy Garold Yefimovich,
Ural Federal University
named after the First Russian
President B.N. Yeltsin,
Professor of the Chair of Sociology
and Social Management Sciences,
Doctor of Philosophy, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian
Federation,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Annotation
The author analyses the problem of the relationship between sociology and power, characterizes types of relations between them and describes their prospects in different societies. It concludes that the best this relationship can be only in civil society.

Key concepts:
sociology,
power,
types of relations,
civil society.